
Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 88—102.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 88—102.

Научная статья

УДК 316.356.2:343.3/7

EDN: <https://elibrary.ru/sfnhxr>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.6

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Валентина Григорьевна Ушакова¹, Сергей Дмитриевич Савин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. В последние годы в общественном дискурсе обострилась проблема домашнего насилия в российском обществе. Эта проблема стала особенно заметна на фоне целей государственной политики по укреплению института семьи и приоритета семейных духовно-нравственных ценностей. Целью данной публикации является анализ социальных факторов, влияющих на общественное мнение жителей Российской Федерации о домашнем насилии. Статья содержит новейшие материалы авторского социологического исследования, проведенного методом телефонного стандартизированного интервью. Выборка составила 1600 человек из 8 федеральных округов нашей страны.

Полученные результаты убедительно показывают, что травмирующий опыт испытанного насилия в детстве сказывается не только на личностном развитии, но и на будущих семейных отношениях. Нынешние социальные проблемы семьи имеют и прошлое в виде факторов насилия, и будущее в виде негативных тенденций. Анализ данных проведенных всероссийских социологических опросов показывает, что домашнее насилие остается острой проблемой в российском обществе. В общественном мнении оно воспринимается как серьезное преступление, а полученные косвенные данные утверждают о том, что реальный его уровень выше данных официальной статистики. В статье обосновывается необходимость внедрения социологического мониторинга проблемы домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, социологический мониторинг, семейные отношения, преступления в отношении члена семьи

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

Для цитирования: Ушакова В. Г., Савин С. Д. Домашнее насилие в общественном мнении жителей современной России // *Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 88—102.*

Original article

DOMESTIC VIOLENCE IN THE PUBLIC OPINION OF MODERN RUSSIAN CITIZENS

*Valentina G. Ushakova¹, Sergey D. Savin²*¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, walespb@mail.ru² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent years, the issue of domestic violence in Russian society has become increasingly prominent in public discourse. This problem has become particularly noticeable against the backdrop of government policy goals to strengthen the institution of the family and prioritize family spiritual and moral values.

The purpose of this article is to analyze the social factors that influence public opinion in the Russian Federation regarding domestic violence. The article contains the latest materials from the author's sociological research, conducted using the standardized telephone interview method. The general population for this study was the adult population (aged 18 and older) of the Russian Federation. The parameters of the standard sample for the all-Russian public opinion poll were gender, age, and place of residence of the respondents. The sample consisted of 1,600 people. The sample coverage by region was carried out in terms of federal districts: Central — 439 people; North-West — 156 people; Far Eastern — 86 people; Siberian — 184 people; Volga — 318 people; North Caucasus — 102 people; Southern — 182 people; Ural — 133 people. The age parameters of the sample were further combined into three categories for analysis: young people (18-35 years old), middle-aged people (36-55 years old), and older age groups (over 56 years old). Data from international sociological studies, not only in Russia but also worldwide, show that generational differences in public opinion are becoming increasingly important. In addition, for a topic such as domestic violence, the socio-demographic parameters of gender and age of respondents reveal the most significant differences in responses, as the article analyzes family relationships.

The results obtained convincingly show that the traumatic experience of childhood abuse affects not only personal development, but also future family relationships. Current social problems in families have both a past in the form of factors of violence and a future in the form of negative trends. An analysis of data from nationwide sociological surveys leads to the conclusion that domestic violence remains an acute problem in Russian society. Public opinion perceives it as a serious crime, and indirect data indicate that the actual level of domestic violence is higher than official statistics suggest. The article argues for the need to introduce sociological monitoring of the problem of domestic violence.

Key words: domestic violence, sociological monitoring, family relations, crimes against family members

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

For citation: Ushakova, V. G., Savin, S. D. (2026) Domashnee nasilie v obshchestvennom mnenii zhitelei sovremennoï Rossii [Domestic violence in the public opinion of modern Russian citizens], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 87—101.

Введение

Насилие, понимаемое как «применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью

запугивания и принуждения к определенным действиям», [Социологический энциклопедический словарь, 1998: 194], возникнув в обществе на самом раннем этапе его развития, сопровождало человечество на протяжении всей его истории. Насилие было одним из способов реализации интересов людей в межличностных и межгрупповых отношениях и выступало в качестве эффективного средства к повиновению одних перед другими, приобретения имущества, власти, новых территорий и т. д. С развитием общества менялись и формы насилия [Красиков, 2010], оно от прямого физического насилия и принуждения все больше переходило в форму дисциплинарной власти скрытого институционального контроля за поведением людей [Фуко, 1999]. Но вместе с тем происходила гуманизация общественных отношений с появлением и развитием демократии, реализации принципов защиты прав и свобод человека. Насилие не исчезло, но делегитимировалось, стало в современном обществе не просто морально осуждаемым, но и неприемлемым в практике любых социальных отношений. Сформировались движения за защиту прав человека, в том числе и женское движение, внесшее значительный вклад в развитие современного общества на принципах социальной справедливости и равноправия.

В связи с фундаментальным значением проблемы насилия для исследования социальных конфликтов и их урегулирования, а также правоприменения в сфере уголовного права, оно всегда выступало приоритетным объектом научных исследований в социальных и гуманитарных науках. Но если насилие в социальной сфере (войны, революции, терроризм) широко обсуждалось, изучалось и описывалось, то тема насилия в приватной сфере (домашнее, семейное) на протяжении веков была табуирована не только для общественных дебатов, но и для научного познания. И только в последние десятилетия научные исследования прорывают завесу латентности домашнего насилия с целью показать распространенность и социальную опасность этого явления. Стало очевидным, что домашнее насилие — это не только отдельные случаи супружеского насилия или наказания детей, случайные конфликты, но комплексное и систематическое явление, оказывающее деструктивное воздействие на всех членов семьи, на их здоровье и психологическое состояние в течение всей жизни.

Подтверждением служат, в частности, публикации научного журнала «Женщина в российском обществе», затрагивающие широкий круг проблем, как российского, так и международного уровня [Забелина, 2008; Сиражудинова, 2017; Ростовская и др., 2018; Ростовская, Безвербная, 2020; Казун, 2022; Воронина и др., 2024]. В них не только ставился вопрос об отдельном направлении исследований домашнего насилия, но и подчеркивалась необходимость разработки государственной политики по решению этой проблемы, изменения законодательства и практики противодействия домашнему насилию, новых мер по защите женщин и детей в семье. Авторы обращали внимание на необходимость формирования партнерских отношений государства и гражданского общества в целях эффективной реализации данной политики, преодоления барьеров латентности и бюрократических препон.

Результаты этих исследований и учет домашнего насилия в статистике преступлений показывают, что масштаб явления не просто большой, а системный. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), примерно каждая третья женщина в мире пострадала от агрессивных действий со стороны партнера,

подвергалась домашнему насилию¹. Последние данные ООН о домашнем насилии (168 стран за 2000—2023 гг.) называют цифру в 840 миллионов женщин, столкнувшихся с насилием со стороны партнера или сексуальным насилием². Общие показатели распространенности этого явления остаются устойчивыми на протяжении последних 20 лет. Это подталкивает международное сообщество развивать повестку программы Пекинской декларации гендерного равноправия с целью искоренения всех форм насилия в отношении женщин и девочек [Воронина, 2025]³.

Домашнее насилие в России

Проблема домашнего насилия остро стоит и в российском обществе. Для того, чтобы оценить глубину проблемы следует посмотреть на нее с двух сторон — официальных данных МВД и результатов социологических исследований. В связи с латентностью домашнего насилия и частого возврата заявлений потерпевшими, реальное количество случаев домашнего насилия поддается только примерной оценке, которая значительно выше официальной [Саламова, 2018: 132]. Но речь здесь, конечно, не идет о тяжких составах преступлений, о которых информация не может быть латентной. Данные статистической отчетности МВД представлены нами за период 2017—2024 гг., поскольку он отражает действие современного правоприменения, связанного с изменениями административного и уголовного законодательства⁴.

Следует отметить тот позитивный факт, что динамика преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, демонстрирует в российском обществе устойчивое снижение. В 2024 году был зафиксирован минимальный уровень преступлений в этой области за указанный период (снижение на 20,9%: с 34 029 в 2017 г. до 26 910 преступлений в 2024 г.). Стоит также отметить, что еще больше снижалось количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями, в которых имелись потерпевшие (на 32,5 % в целом, на 21,8% в отношении члена семьи) [Домашнее насилие в России..., 2026: 10—11]. На диаграмме (рис. 1) можно увидеть, что указанная динамика снижения носила практически ежегодный характер с некоторым ускорением в 2024 году. При этом соотношение домашнего насилия к общему количеству насильственных преступлений с потерпевшими сохранялось примерно на одном уровне — было зафиксировано небольшое увеличение соотношения в сторону насильственных действий в отношении члена семьи на 2,1 пункта (с 13,2 % в 2017 г. до 15,3 % в 2024 г.) [там же: 11].

¹ Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию // Всемирная организация здравоохранения. 2021. 9 марта. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения: 20.11.2025).

² 840 миллионов женщин сталкивались с насилием со стороны партнеров или сексуальным насилием // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. 2025. 19 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466866> (дата обращения: 22.11.2025).

³ Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcomes of the twenty-third special session of the General Assembly: report of the Secretary-General / Commission on the Status of Women Sixty-Ninth Session // United Nations Digital Library System. 2025. 10—21 March. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3850087?v=pdf> (дата обращения: 21.11.2025).

⁴ Федеральным законом № 323-ФЗ от 03 июля 2016 г. были введены составы правонарушений, предусмотренные ст. 6.1.1. КоАП РФ («Побой») и ст. 116.1. УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»).

Рис. 1. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями, по которым имеются потерпевшие, в Российской Федерации за 2017 — 2024 годы

Закономерно с вышеприведенными данными на протяжении исследуемого периода снижалась и динамика количества всех преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщин (на 31,4 % — с 113 794 преступлений в 2017 г. до 78 095 в 2024 г.) и женщин-членов семьи (на 24,5 % — с 24 981 преступления в 2017 г. до 18 854 в 2024 г.). На рис. 2 мы можем видеть долю домашнего насилия в отношении женщин по сравнению с общим количеством насильственных преступлений в отношении женщин [там же].

Рис. 2. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщин в Российской Федерации за 2017 — 2025 годы

Приведем данные МВД о преступлениях домашнего (семейного) насилия в отношении детей. В противоположность предыдущим рассматриваемым показателям, они выглядят не так оптимистично. Напротив, количество насильственных преступлений, совершённых в отношении несовершеннолетних членов семьи, так же, как и количество всех преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних, в динамике за последние восемь лет характеризуются тенденцией преимущественного роста (рис. 3). Заметное снижение этой динамики наблюдается только в 2024 году. С 2017 года количество зарегистрированных преступлений в отношении детей в семье выросло более чем в два раза — с 4425 до 9740 преступлений в 2024 г. Общее количество насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних с 2017 по 2024 гг. в целом выросло на 9,2 %, в отношении несовершеннолетних членов семьи увеличилось на 120,1 % [там же: 15]. И это ситуация

крайне тревожная, поскольку закладывает конфликтный фон семейных отношений на долгие годы.

Рис. 3. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации за 2017 — 2024 годы

На основе представленной статистики можно сделать следующие выводы. Четверть всех насильственных преступлений в отношении женщин составляют преступления со стороны члена семьи, т.е. домашнее насилие (от 22,0 до 25,1 % за рассматриваемый период 2017—2024 гг.). И хотя общее количество таких расследованных преступлений устойчиво снижается в последние годы, но качественного изменения ситуации не происходит. Во-первых, международные данные преступности в области домашнего насилия не фиксируют значительной позитивной динамики. А общее замедление мировой экономики может приводить к росту социальной напряженности, в том числе и в отдельных секторах российского общества. Во-вторых, в российской практике имеется дополнительное расхождение между статистикой зарегистрированных преступлений и расследованных преступлений, совершенных на бытовой почве. Это может означать изъяны в профилактической работе правоохранительных органов и недостаток в статистике реальных случаев насильственных действий, подпадающих под эту статью [Репецкая и др., 2019]. В-третьих, наблюдается негативная тенденция роста насильственных преступлений в семье в отношении детей.

Представленные данные официальной статистики также убедительно опровергают устоявшееся мнение о том, что семейное насилие — это насилие, по большей части, «супружеское». По статистике насильственные преступления в отношении женщины-супруги составляют менее половины случаев в общем количестве преступлений [Щепельков, 2022]. Другие насильственные действия могут носить латентный характер. И об этом можно получить только косвенные сведения при помощи данных социологических и психологических исследований, а также статистики обращений в кризисные центры и психологические службы.

В материалах исследований, проводимых специалистами Санкт-Петербургского государственного университета в период с 2019 года по настоящее время, дается анализ данных из всех указанных источников, в том числе экспертно-аналитического исследования, проведенного в рамках реализации контракта с Государственной думой РФ по теме «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения». Его результаты отражены в Итоговом аналитическом отчете и были представлены на парламентских слушаниях в Государственной думе РФ 21 октября 2019 года. На

основании аналитической работы сделан вывод о необходимости системного мониторинга состояния домашнего насилия с включением на регулярной основе опросов населения, выявляющих остроту проблемы.

Перейдем к обоснованию методологической части такого мониторинга и к сравнительным результатам первых пробных опросов, проведенных по единой методике. С общими результатами этих и других исследований можно ознакомиться на интернет-ресурсе Центра по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ⁵.

Методология исследования

В данной статье представлены сравнительные результаты двух опросов общественного мнения по проблеме домашнего насилия. Эмпирические данные получены Центром прикладных социологических исследований СПбГУ. Опрос жителей Российской Федерации проведен методом телефонного интервью. Генеральной совокупностью являлось взрослое (18 лет и старше) население Российской Федерации. Метод опроса — личное стандартизированное интервью. Опросы выполнены в системе CATI с применением методики многоуровневой стратифицированной выборки с контролируемыми параметрами. Размер случайной ошибки выборки не превышает $\Delta=2,6\%$. Охват выборки по регионам осуществлялся в разрезе федеральных округов. Первый опрос был проведен в период с 02.09.2019 по 21.09.2019 г. Выборка составила 1665 человек. Второй опрос прошел в период с 06.03.2024 по 30.03.2024 г. Выборка составила 1600 человек. Охват выборки по федеральным округам: Центральный — 439 чел.; Северо-Западный — 156 чел.; Дальневосточный — 86 чел.; Сибирский — 184 чел.; Приволжский — 318 чел.; Северо-Кавказский — 102; Южный — 182 чел.; Уральский — 133 чел. Параметры выборки по возрасту дополнительно объединены в три категории анализа: молодежь (18—35 лет), люди среднего возраста (36—55 лет), старшие возрастные группы (более 56 лет). Социодемографические параметры пола и возраста респондентов выявляют наиболее значительные расхождения в ответах, поскольку речь идет о семейных отношениях.

Методика опросов одинаковая. Период в 5 лет позволяет получить данные динамики отношения к проблеме домашнего насилия и может быть рекомендован для методики проведения мониторинговых исследований.

Реперными точками указанных исследований общественного мнения являлись: 1) оценка домашнего насилия как проблемы, уровня распространенности и опасности домашнего насилия; 2) выделение параметров, факторов и видов домашнего насилия; 3) уровень виктимизации от домашнего насилия; 4) столкновение с домашним насилием в близком социальном окружении; 5) оценка действенности мер правового наказания за насилие в семье; 6) наличие прошлого опыта в детском возрасте пострадавших от домашнего насилия; 7) использование физических наказаний детей в настоящем и прошлом.

В связи с тем, что тема насилия в семье является сенситивной для респондентов, были заданы не только прямые, но и косвенные вопросы о столкновении со случаями домашнего насилия. Выявлены травмы памяти о пережитом насилии в прошлом

---

⁵ Центр по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/centr-pozucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu> (дата обращения: 21.11.2025).

и их влияние на семейную жизнь в настоящем, включая методы воспитания детей. Выделенные в исследовании показатели позволили оценить связь субъективного восприятия проблемы с данными о личном и опосредованном опыте домашнего насилия. Таким образом, можно дать косвенную оценку распространенности домашнего насилия в обществе, выявляя, как часто наблюдают его люди в своем ближайшем окружении.

В отличие от динамики статистики преступлений, общественное мнение по вопросам семейных отношений и проблеме насилия носит устойчивый характер в том случае, если не происходит шумных информационных событий, так называемого «разогрева повестки». Поэтому при проведении исследований рекомендуется учитывать информационный фон, а в самих опросах задавать вопросы о том, насколько часто респонденты слышат о проблеме в СМИ и социальных сетях. Кроме проведения массовых опросов исследование включало социологический мониторинг социальных сетей и электронных СМИ. В данной статье их результаты частично отражены в обобщенных выводах.

Результаты исследования

Первое, что следует отметить, большинство опрошенных (60,9 %) считает, что домашнее насилие — это серьезная социальная проблема для российского общества, которая требует особого системного внимания со стороны управляющих субъектов. В то же время за последние годы острота ее восприятия несколько снизилась. Если в 2019 г. однозначно острой проблемой домашнее насилие называли 35,1 % респондентов (больше трети опрошенных), то в 2024 г. только 25,1 % (табл. 1). По социально-демографическим параметрам опрошенных в большей степени остроту проблемы подчеркивают женщины (30,9 % — острая, 40,8 % — скорее острая), а также молодежь в возрасте до 25 лет (37,4 % — острая, 36,2 % — скорее острая). Наиболее остро воспринимают эту проблему люди, занимающиеся домашним хозяйством как основной деятельностью — 77,8 % (из них 36,7 % как однозначно острую), которые в абсолютном большинстве тоже женщины.

Рис. 4. Острота восприятия проблемы домашнего насилия, %

Одним из факторов снижения оценок домашнего насилия как острой проблемы стало некоторое изменение информационной повестки. Информационное освещение случаев домашнего насилия, как правило, вызывает общественный резонанс и широкое обсуждение в публичном пространстве. В исследовании 2019 г. фиксировались значительные всплески сетевой публикационной активности, что создавало общий фон повышенного интереса к проблеме и роста сообщений в СМИ. Однако в последние годы информационный накал в этой сфере снизился. Вследствие начала специальной военной операции на Украине и усиления консервативного тренда в пропаганде национальных ценностей тематика домашнего насилия ушла с «первых полос» информационной повестки государственных российских СМИ и новостных агрегаторов. Тем не менее информация о домашнем насилии в целом широко представлена. По данным проведенных нами всероссийских социологических опросов в 2019 и 2024 гг. увеличилась доля тех, кто «слышит о домашнем насилии время от времени» — 32,9 % (2024 г.), 25,8 % (2019 г.). Доля тех, кто получает информацию о данной проблеме часто, напротив, сократилась с 31,3 % (2019 г.) до 21,4 % (2024 г.). Чаще встречается информация по теме домашнего насилия молодежь (25,7 %), что во многом связано с активным использованием социальных сетей.

Таблица 2

Характеристика домашнего насилия, %

Как Вы понимаете, домашнее насилие — это:	2019 г.	2024 г.
Вид опасного преступления	58,6	63,2
Обычные семейные ссоры	17,4	14,9
Традиционное семейное воспитание	8,3	5,6
Другое	4,4	9,8
Затрудняюсь ответить	11,3	6,6

Большинство россиян воспринимает домашнее насилие как вид опасного преступления (табл. 2). При этом данный показатель даже увеличился за последние 5 лет на 4,6 %, что можно связать с постепенной сменой поколений. Имеется четкая зависимость восприятия домашнего насилия от возраста респондентов. Чем моложе человек, тем более он склонен воспринимать угрозу домашнего насилия как преступление. Так, среди молодежи 18—35 лет — 72,3 % молодых людей относят домашнее насилие к категории опасного преступления; среди респондентов среднего возраста 36—55 лет — 61 %; а в категории лиц старше 56 лет — 57,5 %. Еще одна зависимая переменная — пол респондента. Относятся к домашнему насилию как преступлению больше женщины — 73,5 %. Имеется также корреляция с уровнем образования. Людей с высшим образованием, отметивших, что это вид преступления, 71,4 %, в то время как с начальным профессиональным — 42,7 %. Можно также отметить, что в целом в связи с широким освещением случаев жестоких преступлений в сфере семейных отношений все больше людей воспринимают домашнее насилие как вид опасного преступления. Кто чаще слышит о проблеме в СМИ, тот чаще воспринимает домашнее насилие как преступление. Таким образом обнаруживается следующая связь переменных с предыдущим вопросом для тех, кто считает преступлением: часто слышу о проблеме

домашнего насилия в СМИ — 73,7 %; время от времени — 68,5 %; редко — 56,3 %; практически никогда — 53,6 %. Большой разрыв в восприятии домашнего насилия как преступления и по переменной пола: женщины — 73,5 %; мужчины — 51,2 %.

Вызывает интерес, что характеристики, подпадающие под категорию определения семейного насилия, понимаются россиянами достаточно широко. Как показал опрос, не только физическое (95,5 %) и сексуальное насилие (88 %), но и психологическое (87 %) а также экономическое (61,3 %) большинство граждан признают видами домашнего насилия. Такая расширительная трактовка позволяет найти больше обоснований как для профилактики домашнего насилия как систематического явления, так и для обращения в кризисные центры и службы психологической помощи. Рост психологической тревожности в современном обществе в целом становится достаточно заметным явлением, что отражается в массовом сознании. При этом, надо заметить, что в ответах женщин и молодежи эти показатели еще выше примерно на 1,5 — 2 п.п. Заметно ниже среди всех категорий опрошенных стоит экономическое насилие, под которым подразумевается принуждение к труду в домашних условиях или зависимость одного члена семьи от другого путем манипуляции с финансами и ресурсами, установления контроля и подчинения. Но все же большинство респондентов относит и эту форму давления к домашнему насилию. В современных условиях возрастающего социального неравенства случаев экономического насилия, в том числе и в семье, становится больше.

Популярность информации о психологических аспектах и видах насилия могла повлиять и на увеличение количества людей, идентифицирующих действия, совершенные в отношении них, как насилие. Респонденты, признавшие, что в отношении них за последний год было совершено домашнее насилие (3,4 %), по большей части указали именно на психологическое насилие (89,8 % по данным опроса 2024 года, тогда как в 2019 году — 36,6 %). Результаты наших опросов показывают, что распространяется практика обращения за психологической помощью (в 2019 г. — 9 % от числа пострадавших от домашнего насилия, в 2024 г. — 15 %). При этом тенденция роста обращений в кризисные и психологические центры связана с потребностью в этом виде помощи, прежде всего у молодежи (28,6 % обратившихся за помощью опрошенных — пострадавшие в возрасте 18—35 лет).

В 2024 году по сравнению с 2019 годом выросла доля опрошенных, указавших, что к ним в детском возрасте применялось насилие (26,6 % в 2024 году, 15,7 % в 2019 году). Большинство этих людей считают, что оно имело негативные последствия для их жизни — 56,7 %. Следует особенно подчеркнуть, что в большей степени такого мнения придерживаются женщины — 71,2 %.

Косвенные данные о широте распространения домашнего насилия в российском обществе — показатели столкновения с ним в социальной среде — близком окружении респондентов (рис.5). Полученные данные показывают, что по сравнению с 2019 годом в 2024 году на 5 % увеличилось количество респондентов, которые заявили, что были свидетелями домашнего насилия среди соседей, родственников или друзей. Поскольку данный показатель больше статистической погрешности, то это, по меньшей мере, говорит о том, что реальных случаев домашнего насилия меньше не становится или о том, что оно стало восприниматься более расширительно. При этом чаще фиксируют случаи домашнего насилия в близком окружении опрошенные женщины — 48,1 %. Интересная региональная особенность состоит в том, что в Уральском

(51,1%), Сибирском (52,2%) и Дальневосточном (51,2%) округах свидетелей домашнего насилия в своем окружении — более половины опрошенных. Также закономерно наблюдается более высокая конфликтная среда среди граждан с невысокими доходами. Так, свидетелей домашнего насилия с доходами ниже прожиточного минимума на члена семьи — 50,6 %. Стоит отметить еще одну интересную особенность, что чаще заявляли о случаях домашнего насилия в близком окружении люди, которые в данный момент находятся в незарегистрированном браке — 46,5 %.

Вам доводилось быть свидетелем семейного (домашнего) насилия среди ваших соседей или близких?

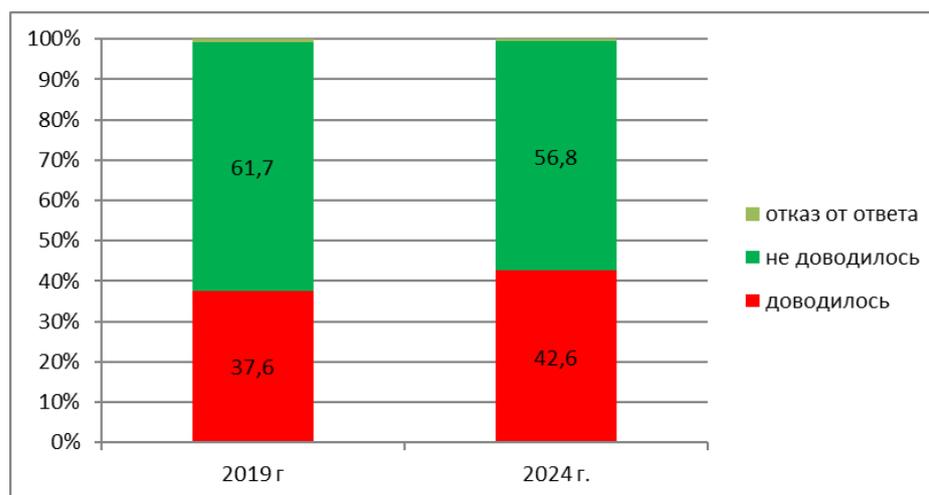

Рис. 5. Насилие в близком социальном окружении, %

Чаще всего респонденты отмечают, что последняя по времени ситуация домашнего насилия имела место у соседей (56 %), затем среди родственников (40 %), и еще реже среди друзей и знакомых (34,6 %). Обращает на себя внимание, что по сравнению с опросом 2019 г. (19,4 %) стало указываться большее число случаев среди родственников. Это может косвенно свидетельствовать и о проблемах в собственной семье. Треть случаев (33,6 %) домашнего насилия в близком окружении, о которых вспомнили респонденты, произошли за последний год. От общего числа опрошенных этот показатель — 14,3 %. То есть, согласно данным опроса, примерно каждый восьмой россиянин становится свидетелем домашнего насилия за год. А с учетом психологических факторов нежелания некоторых людей говорить о таких ситуациях этот показатель может быть еще выше.

Представленное распределение ответов о действиях свидетелей домашнего насилия интересно сравнить с данными опроса 2019 года. Динамика показывает, что отстраненность от ситуации и нежелание участвовать в разрешении конфликтной ситуации немного возросли. Позиции «просто дал совет» (в 2019 г. — 14,4 %) и «ничего не делал, это не мое дело» (в 2019 г. — 18 %) увеличились, соответственно, на 2,1 п.п. и 3 п.п. Только 13 % заявили о случившемся в правоохранительные органы (в 2019 г. — 14,9 %). Тем не менее большинство людей, оказавшихся свидетелями домашнего конфликта, заявляют о своей активности, прежде всего, в попытках вмешаться лично и остановить насилие (39,4 %). Более активную

позицию при столкновении с внешней ситуацией домашнего насилия проявляют женщины (сообщила в правоохранительные органы — 15,2 %; лично вмешалась — 41,8 %). А более пассивную позицию чаще занимают мужчины (просто дал совет — 19 %; ничего не делал, это не мое дело — 25 %). Лично вмешиваются в конфликт чаще представители старших возрастных групп (56 лет и старше — 43,1 %).

Таблица 3

Действия лиц, ставших свидетелями домашнего насилия, %

Как Вы повели себя в этой последней по времени ситуации (для тех, кто ответил «да»)?	2019 г.	2024 г.
Сообщил в правоохранительные органы	14,8	13,0
Лично вмешался, постарался изменить ситуацию	46,1	39,4
Просто дал совет	14,4	16,0
Другое	5,7	8,8
Ничего не делал, это не мое дело	18	21,0
Затрудняюсь ответить	1	1,8

Представленное распределение ответов (табл. 3) о действиях свидетелей домашнего насилия показывает, что отстраненность от ситуации и нежелание участвовать в разрешении конфликтной ситуации немного возросли. Позиции «просто дал совет» (в 2019 г. — 14,4 %) и «ничего не делал, это не мое дело» (в 2019 г. — 18 %) увеличились, соответственно, на 2,1 п.п. и 3 п.п. Только 13% заявили о случившемся в правоохранительные органы (в 2019 г. — 14,9 %). Тем не менее большинство людей заявляют о своей активности, прежде всего, в попытках вмешаться лично и остановить насилие (39,4 %).

Таким образом, исходя из данных проведенных опросов, можно выявить не просто общее отношение населения к проблеме домашнего насилия, но дать оценку его действительного распространения, определить характер восприятия ситуации насилия и барьеров, мешающих мерам по противодействию ему.

Выводы

Домашнее насилие как социальная проблема имеет большое количество аспектов. Каждый из них требует отдельного подхода к изучению: правового, социально-психологического, социокультурного, гендерного, конфликтологического и др. Поэтому нельзя сводить распространенность домашнего насилия только к исторически обусловленным ценностным особенностям культуры, традиционным отношениям, недостаткам гендерной социализации или проблемам правового регулирования. Опыт ограничительных мер в период пандемии во всем мире зафиксировал рост показателей домашнего насилия [Kourti et al., 2021].

Острота восприятия социальных проблем в современном обществе напрямую зависит от их информационного освещения. Поэтому борьба за информационную повестку становится ключевой задачей различных общественных сил, которые стремятся представить и утвердить свою позицию в публичном пространстве. Это касается и такой, казалось бы, нейтральной для политики темы как домашнее насилие,

традиционно рассматриваемой больше в криминально-правовой и психолого-педагогической плоскости. Однако динамика института семьи и семейных отношений в период современных общественных трансформаций переводит проблему домашнего насилия в ранг базовых ценностных вопросов семьи и брака [Ларина, Старостина, 2023]. В условиях хрупкости семейных союзов, роста количества разводов, проблем социализации детей в семье, домашнее насилие становится все более неприемлемой формой отношений. Даже в некриминальных формах, без физического насилия, оно все чаще воспринимается не как правило для усиления семейных скреп, а как опасное девиантное поведение, ведущее к деструкции семьи, к негативным последствиям, прежде всего, для женщин и детей. Поэтому общественная борьба с домашним насилием направлена не на разрушение семьи, а на ее укрепление через выстраивание взаимоуважительных и психологически бережных отношений в ней.

В наши задачи входил общий анализ социальных факторов, влияющих на общественное мнение о домашнем насилии в российском обществе. В целом анализ данных показывает, что домашнее насилие остается острой проблемой. В общественном мнении оно воспринимается как серьезное преступление, а косвенные данные опроса говорят о том, что реальный его уровень выше данных официальной статистики. Из значимых итогов опроса мы можем выделить некоторое снижение остроты восприятия проблемы домашнего насилия в России, связанное со сменой информационной повестки. В то же время растет неприятие в общественном сознании различных форм домашнего насилия, снижается толерантность к его проявлениям. Об этом свидетельствуют и другие мониторинговые исследования в России⁶, что актуализирует проблему социологического сопровождения анализируемой темы. Опрос показал, что затруднение вызывает не отсутствие информации, а возможности ее применения на практике, в сложной ситуации семейного конфликта. Соответственно, при профилактической работе в области домашнего насилия необходимо делать акцент именно на практические навыки действий, которые позволят сохранить жизнь и здоровье всех членов семьи.

Список источников

Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородатая М. Н., Волченкова Е. В., Ершова Н. Н. Супружеское насилие в отношении женщин глазами пользователей российского Интернета // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.*

Воронина О. А. Гендерная повестка в общецивилизационном развитии: Пекин+30 // *Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 3—20.*

Домашнее насилие в России: состояние и правовое противодействие: монография / под ред. В. Ф. Щепелькова. Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2026. 246 с.

Забелина Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»? // *Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 77-85*

Казун А. П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // *Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.*

Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе: очерки. М.: Водолей, 2010. 198 с.

---

⁶ ВЦИОМ: большинство опрошенных россиян стали менее терпимы к домашнему насилию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8061909> (дата обращения: 25.09.2025).

Ларина Т. И., Старостина А. А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 6. С. 33—39.

Репецкая А. Л., Габеев С. В., Изаксон Р. А. Уголовно-правовая характеристика домашнего насилия и проблемы его профилактики органами внутренних дел на современном этапе. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 72 с.

Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 78—88.

Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // *Женщина в российском обществе* 2020. № 2. С. 89—98.

Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2018. № 9. С. 129—138.

Сиражудинова С. В. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 26—35.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Щепельков В. Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // *Криминалистика*. 2022. № 2. С. 95—103.

Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsolia M., Sergeantanis T. N., Tsitsika A. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // *Trauma, Violence and Abuse*. 2023. Vol. 24, №. 2. P. 719—745. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 10.07.2025).

References

Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison], transl. from French by V. Naumov in I. Borisova (Ed.), Moscow: Ad Marginem.

Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniy [The Impact of the Coronavirus Pandemic on Domestic Violence: A Review of International Research], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.

Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergeantanis, T. N., Tsitsika, A. (2023) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma, Violence and Abuse*, vol. 24, no. 2, pp. 719—745, available from <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 10.07.2025).

Krasikov, V. I. (2010) *Nasilie v evoliutsii, istorii i sovremennom obshchestve: ocherki* [Violence in Evolution, History, and Modern Society: Essays]. Moscow: Vodoley.

Larina, T. I., Starostina, A. A. (2023) Sotsiokulturnye osobennosti problemy domashnego nasiliia v Rossii [Sociocultural features of the problem of domestic violence in Russia], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 6, pp. 33—39.

Repetskaya, A. L., Gabeev, S. V., Izakson, R. A. (2019) Ugolovno-pravovaya kharakteristika domashnego nasiliia i problemy ego profilaktiki organami vnutrennikh del na sovremennom etape [Criminal and legal characteristics of domestic violence and the problems of its prevention by internal affairs bodies at the present stage], *Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii*, 72 p.

Rostovskaya, T. K., Kaliev, T. B., Zavyalova, N. B., Bezverbny, V. A. (2018) Profilaktika nasiliia kak faktor bezopasnosti sem'i: rossiiskii i kazakhstanskiy opyt [Violence Prevention as a Family Security Factor: Russian and Kazakhstani Experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 78—88.

Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2020) Nasilie v otnoshenii zhenshchin: mirovye tendentsii [Violence against Women: Global Trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—98.

Salamova, S. Ya. (2018) Domashnee nasilie v sovremennoï Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic violence in modern Russia: General Characteristics], *Lex Russica (Russkii Zakon)*, no. 9 (142), pp. 129—138.

Sirazhudinova, S. V. (2017) «Ja ne mogu skazat'!»: k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [«I Can't Say!»: On the Problem of Domestic and Sexual Violence in the Republics of the North Caucasus (Based on a Sociological Study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.

Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh (1998) [Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French, and Czech], Moscow: INFRA M — NORMA.

Shchepel'kov V. F. (ed.) (2026) *Domashnee nasilie v Rossii: sostoianie i pravovoe protivodeistvie: monografiia* [Domestic violence in Russia: the state and legal counteraction: a monograph], Saint Petersburg: Tsentr sovremennoï literatury i knigi na Vasil'evskom.

Shchepel'kov, V. F. (2022) Protivodeistvie domashnemu nasiliu v Rossiiskoi Federatsii: sostoianie i perspektivy [Combating domestic violence in the Russian Federation: current state and prospects], *Kriminalist*", no. 2 (39), pp. 95—103.

Voronina, O. A., Mitiagina, E. V., Borodataia, M. N., Volchenkova, E. V., Ershova, N. N. (2024) Supruzheskoe nasilie v otnoshenii zhenshchin glazami pol'zovatelei rossiiskogo Interneta [Domestic violence against women in the eyes of Russian internet users], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—107.

Voronina, O. A. (2025) Gendernaia povestka v obshchetsivilizatsionnom razvitii: Pekin+30 [Gender agenda in global civilization development: Beijing+30], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—20.

Zabelina, T. Iu. (2008) Domashnee nasilie v otnoshenii zhenshchin: gosudarstvennaia problema ili «lichnoe delo»? [Domestic violence against women: a state problem or a «personal matter»?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 77—85.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 25.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Ушакова Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Sociology of Political and Social Processes, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Савин Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, ssd_sav@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation).